

Раритетная дисемия и языковые контакты

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН

Слово, означающее 'старый' (только о людях и животных), является общетунгусо-маньчжурским, его праформа восстанавливается как **сагда(-)*¹, ср. эвенк. *сагдаӯ* '1. старший; 2. старейшина, староста', нан. *сагдан* 'стариться, стареть', маньчж. *сагда* 'стареть, стариться' (ССТМЯ 1977: 52–53; в соответствующем ороческом слове отмечена долгота гласного: *сāгда* '1) деды, предки; 2) относящийся к предкам, давний, прежний (о людях)', см. Аврорин, Лебедева 1978: 220).

Общетунгусо-маньчжурского слова со значением 'большой' нет. В языках северной ветви (в собственно тунгусских) представлены следующие варианты: эвенк. *hэгди* (*h* здесь, по-видимому, протетический), сол. *эддэуи ~ эддуй* [Do Dørji 1998: 150], эвен. *эгзэн*, нег. *эгдиүэ, эддиүэ* 'большой'. Материально соответствующие слова в других тунгусо-маньчжурских языках имеют значение 'много': улч., ороч., уд. *эгди*, уил., нан. *эгзи* 'много'. По-маньчжурски 'большой' — *амба*, по-чжурчжэньски — **амбан*.

В удэгейском языке значения 'старый' и 'большой' выражаются разными, но при этом однокоренными словами: *сагди* 'большой', *сагдинта* 'старый; старик, старуха' [Кормушин 1998: 280] (ср. *аһанта* 'женщина' и *нһнта* 'мужчина' с тем же словообразовательным суффиксом *-нта*).

В ороческом языке слово *сāгди* имеет следующие значения: '1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый' [Аврорин, Лебедева 1978: 220].

В солонском языке у слова *sadde*, генетически связанного с ороческим *сāгди* и с удэгейским *сагди*, также два значения: 'старый (о возрасте); огромный' [Do Dørji 1998: 575]. Интересно, что в солонском языке не только слово, первоначально означавшее 'старый', приобрело дополнительное значение 'огромный', но также слово *эддэуи* 'большой' может иметь значение 'старый': *эддэуи бэжэ* 'старый человек, старик' [Do Dørji 1998: 150].

¹ Примеры в статье приведены в принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975: XVI–XXIII] «фонетической транскрипции на основе знаков русского алфавита», но при этом с некоторым упрощением: одинаково обозначаются обусловленные сингармонизмом варианты узких гласных (*и, у*), а также увулярные и заднеязычные. В тех случаях, когда есть ссылка на какую-либо работу, примеры даны так, как в ней.

Т. Цумагари записал у хамниган словосочетание *sagdii энэ* ‘бабушка’², при этом первое слово означает ‘старый (aged)’, а второе — ‘мать’; значение ‘большой’ в этом варианте хамниганского языка выражается словом *хэгдэгэ* [Tsumagari 1992: 90, 93, 96].

В других тунгусо-маньчжурских языках подобной раритетной дисемии вроде бы нет; можно думать, что это инновация, обусловленная контактами.

Попутно отмечу, что в ороческом языке мы видим у антонимов «зеркальную дисемию»: *cāgdi* ‘1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый’ и *нйчи* ‘1) маленький (по размеру); 2) молодой, маленький (по возрасту)’ [Аврорин, Лебедева 1978: 212, 220].

Семантическое сопряжение ‘старый’ & ‘большой’ является типологическим раритетом, аналогию можно найти, в частности, в соответствии русского слова *старый* и древнеисландского *stórr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’ [Фасмер 1971: 747].

Раритетная дисемия (и многозначность вообще) — такая, например, как в ороческом слове *cāgdi* ‘1) старый; 2) большой’ — иногда позволяет обнаружить следы былых языковых контактов. Забегая вперед, скажу, что именно эта конкретная дисемия свидетельствует об исторических контактах предков орочей с предками с одной стороны, уильта, а с другой, — негидальцев.

Начнем с уильта.

Самая большая река на Сахалине — Поронай. На айномском языке это означает ‘большая река’ (на Хоккайдо в диалекте Сару слово *пау* имеет значение ‘болото, небольшая река, ручей’ [Tamura 1996: 406], однако в диалекте сахалинских айнов это слово, вероятно, означало ‘река’).

По-нивхски река Поронай называется *Плы* [Савельева, Таксами 1970: 263]. Возможно, и этот гидроним буквально переводится как ‘большая река’³.

Дз. Икэгами записал у южных уильта несколько вариантов названия реки Поронай: *Sagji Suu ~ Sagji Suu unini ~ Daaji Sagji Suu* [Ikegami 1997: 194].

Слово *Suu* в этом словаре встречается в том числе в словосочетании *Suu naapi* ‘южная местность (южный Сахалин)’ [Ikegami 1997: 194] (об этимологии уильтинского *cū* см. [Певнов 2018: 455–457]).

² ‘Дедушка’ в этом идиоме называется заимствованным из китайского языка словом *јэјэ* [Tsumagari 1992: 93].

³ К сожалению, у меня нет возможности узнать, как в уже не существующем южном диалекте нивхского языка (на нем говорили, в частности, в устье реки Поронай) выражались значения ‘большой’ и ‘река’. Сегмент *плы-* в гидрониме *плыи* (нивхское название реки Поронай) напоминает атрибутивную основу *пила-* ‘большой’ в амурском диалекте нивхского языка, а сегмент *и* совпадает со словом, означающим ‘река’ в его восточно-сахалинском диалекте.

В уильтинских вариантах *Sagji Suu ~ Sagji Suu unini ~ Daaaji Sagji Suu* мы видим слово *uni* (точнее, словоформу *uni-ni* река-POSS.3SG) ‘река’, определением же к нему, а также к слову *Suu* выступает уже знакомое нам по соответствиям в некоторых других тунгусо-маньчжурских языках слово *sagji*. Но в уильтинском *sagji* означает только ‘старый’, причем Дз. Икэгами уточняет в переводе на английский язык — ‘aged’ [Икегами 1997: 172], так что значение ‘старый’ применительно к реке никак не могло быть использовано. И здесь уместно вспомнить, что в ороческом языке значения ‘старый’, и ‘большой’ выражаются одним и тем же словом *cāgdi*: конечно же, это ‘большая река’, что подтверждается аналогичным значением айнского по происхождению гидронима Поронай, а также, вероятно, нивхского Пльи. Очевидно, уильта заимствовали у орочей название реки Поронай, при этом в одном из вариантов гидронима уильтинское слово *daaaji* ‘большой’ было использовано как бы для толкования странно употребленного, с точки зрения уильта, слова *sagji*.

Вывод можно сделать такой: ороческая раритетная дисемия (*cāgdi* ‘1) старый; 2) большой’) дает основание говорить о том, что орочи контактировали с уильта на Сахалине в районе реки Поронай.

Надо сказать, что есть и другие свидетельства языковых контактов уильта (орочков) и орочей [Певнов 2018], однако только раритетная дисемия, имеющая отношение к конкретному гидрониму, позволила эти контакты локализовать.

Значение ‘большой’ (а не ‘старый’) у ороческого слова *cāgdi* проявляется, в частности, в нескольких названиях старших родственников: *cāgdāmin-* (с притяжательным суффиксом, повествовательная форма) ‘дед’, *cāgdāma* (звательная форма) ‘дедушка’, *cāgdān'in-* (с притяжательным суффиксом, повествовательная форма) ‘бабка, бабушка’, *cāgdān'æ* (звательная форма) ‘бабушка’, *cāgdi энэүэ* ‘отец тещи; отец свекрови’, *cāgdi атаүа* ‘мать тещи; мать свекрови’ (*энэүэ* ‘тесть, свекор, старший брат матери, старший брат жены, муж старшей сестры моей жены, муж старшей сестры отца’, *атаүа* ‘теща, старшая сестра жены, жена старшего брата жены, свекровь, старшая сестра матери, жена старшего брата матери’) [Аврорин, Лебедева 1978: 164, 220, 258].

В удэгейском языке, генетически наиболее близком к ороческому, подобные термины родства обнаружить не удалось. Вероятно, это свидетельствует о том, что в ороческом они появились под влиянием какого-то другого языка.

В том, что в приведенных ороческих терминах родства первый компонент имел значение ‘большой’, а не ‘старый’, могут убедить названия некоторых родственников в нанайском, ульчском, уильтинском и в нивхском.

Приведу примеры: нан. *dāmā* (звательная форма) ‘1) дед, дедушка (отец отца или матери; старший брат отца); 2) дедушка (обращение младших по возрасту к пожилому мужчине)’, *dān'ā* (звательная форма) ‘1) бабушка, бабушка (мать отца или

матери; старшая сестра отца); 2) бабка, бабушка (обращение младших по возрасту к пожилой женщине)' [Оненко 1980: 137, 138]; ульч. *dāma* '1. дедушка; 2. обращение к старшим, пожилым мужчинам', *dān'a* '1. бабушка; 2. обращение к старшим, пожилым женщинам' [Суник 1985: 189]; уил. *daaji ami-* 'дедушка, дядя', *daaji ani-* 'бабушка, тетя' [Ikegami 1997: 7, 59].

В [ССТМЯ 1975: 189] эти ульчские и нанайские слова (соответствия в орокском (уильта) не приведены) представлены как результат словосложения, причем в качестве первого компонента указано слово *dā* (ульч.), *dā* (нан.) '1) корень, комель; 2) пень; 3) начало, основа, основание; происхождение'. О. П. Суник полагал, что первым компонентом является слово *dāu* '1. большой; 2. взрослый' [Суник 1985: 189], и с ним нельзя не согласиться, поскольку аналоги есть, например, в западноевропейских языках: дедушка — это «большой папа», а бабушка — «большая мама» (*grandfather, grandmother, grand-père, grand-mère; Großvater, Großmutter*); в китайском языке 大父 *dàfù* 'дедушка' — буквально это переводится как «большой отец» [БКРС 1984 (3): 628].

В некоторых нивхских терминах родства используется не только слово со значением 'большой', но и слово, означающее 'маленький': *пилниг"вн"* 'младший брат отца' (букв. большой человек), *пилкымк* '1) старшая сестра матери; 2) жена старшего брата отца' (букв. большая мать), *матькымк* '1) младшая сестра матери; 2) жена младшего брата отца' (букв. маленькая мать) [Крейнович 1973: 261]. Интересно, что эти «аугментативно-дими́ну́тивные» термины родства в нивхском языке, в отличие от ороцкого, ульчского, уильтинского и нанайского, не относятся ни к бабушке, ни к дедушке: *аткытых* 'отец отца', *атьмам* 'мать отца' [Крейнович 1973: 260] (Е. А. Крейнович отмечает, что словами *пилниг"вн"*, *пилкымк*, *матькымк*, *аткытых*, *атьмам* мужчина называет представителей своего рода).

В 1994 г. мы с М. М. Хасановой записали от В. В. Пайран следующие нивхские термины родства: *н'-эт'ик* 'моя бабушка', *н'-атак* 'мой дедушка'; *н'-вилэ-этэк* 'старший брат моего отца' (букв. мой большой отец), *н'-мат'ки-этэк* 'младший брат моего отца' (букв. мой маленький отец), *н'-вилэ-эмэк* 'старшая сестра моей матери' (букв. моя большая мать), *н'-мат'ки-эмэк* 'младшая сестра моей матери' (букв. моя маленькая мать); *анак* 'старший брат матери', *мат'ки-анак* 'младший брат матери' (букв. маленький *анак*).

Интересно, что в языке уильта, возможно, под влиянием нивхского, есть два термина родства не только с определением *daaji* 'большой', но и с определением *нии́си* 'маленький': *daaji ami-* 'дедушка, дядя' — *нии́си ami-* 'дядя'; *daaji ani-* 'бабушка, тетя' — *нии́си ani-* 'тетя'⁴ [Ikegami 1997: 7–8, 59].

⁴ «*daaji ami-ni* 'an ascendant male member of the same clan (older than the father) — grandfather, uncle', *нии́си ami-ni* 'a collateral ascendant male member of the same clan (younger than the

Убедившись в том, что в ороческих словах *sāgdāmin-* ‘дед’ и *sāgdān'in-* ‘бабушка’ первым компонентом было слово *sāgdi*, причем со значением ‘большой’ (а не ‘старый’), рассмотрим соответствующие термины родства в негидальском языке.

К. Д. Логиновский записал у самагиров⁵ на реке Горин, в частности, такие термины родства: *sagdi amin* ‘дедушка’ и *sagdi öñin* ‘бабушка’ (Schmidt 1928: 234).

В. И. Цинциус приводит соответствующие термины в стяженном виде: *сагдама* (< *сагди* + *ама*) ‘дед, отец отца’, *сагдан'а* (< *сагди* + *эн'э*) ‘бабушка, мать отца’ (оба слова относятся к «низовскому» диалекту негидальского языка; слова *ама* и *эн'э* означают ‘отец’ и ‘мать’ соответственно — Цинциус 1982: 262).

Мы с М. М. Хасановой записали у негидальцев (причем, как у восточных, или «низовских», так и у западных, или «верховских») такие варианты: *би сагди ами-м*, *би сагди ама-в* (-м и -в — посессивные показатели 1 л. ед. ч.) ‘мой дедушка’ (Д. Л. Кини, с. Маго, Николаевский р-н, Хабаровский край, 1994 г.); *сагдāми-м*, *сагдāма* ‘дед — отец матери или отец отца’, *сагди энэ* (*энэ*) ‘самый старший дедушка’ (второе слово означает ‘дедушка’), *сагди эн'и-м*, *сагдэн'икэн*, *сагдэн'ај* ‘бабушка’ (первое словосочетание означает ‘моя бабушка’) (Е. М. Самандина, с. Белоглинка, Ульчский р-н, Хабаровский край, 1987 г.); *сагди эн'инин* ‘его бабушка’ (А. П. Казаров, с. Владимировка, р-н им. Полины Осипенко, Хабаровский край, 1988 г.).

Эти негидальские словосочетания и образовавшиеся из них слова включают компонент *сагди*, который в негидальском языке имеет только одно значение: ‘старый (о человеке или о животном)’. Следовательно, эти негидальские термины родства появились под влиянием языка, в котором у соответствующего слова было значение ‘большой’. Таких языков в предполагаемой зоне контактов только два: ороцкий и удэгейский. Однако в удэгейском, в отличие от ороцкого, такое слово не участвует в образовании терминов родства. Следовательно, на негидальский в данном случае повлиял именно ороцкий, точнее, его предок.

Интересно, что в хамниганском идиоме (точнее, в одном из его вариантов) мы видим по сути то же самое, что в негидальском языке: первый компонент составного термина родства (хамн. *sagdii*, нег. *сагди*) означает только ‘старый’, значение ‘большой’ передается в хамниганском словом *хəgdəgə*, а в негидальском — словом

father) — uncle’, *daaji əni-ni* ‘the spouse of an ascendant male member (who is older than the father) of the same clan — grandmother, aunt’, *nuuci əni-ni* ‘the spouse of a collateral ascendant male member (who is younger than the father) of the same clan — aunt’ ” (перевод этих уильтинских составных терминов родства с японского языка (Ikegami 1997: 7–8, 59) на английский сделала по моей просьбе Ё. Ямада, за что я ей очень благодарен. — А. П.).

⁵ На самом деле это был негидальский язык, что и отмечено П. Шмидтом, опубликовавшим словарные записи К. Д. Логиновского: “The words are about the same as in Negidal” (Schmidt 1928: 219).

эгдиүэ ~ *эудиүэ*. Совершенно очевидно, что в обоих случаях такие составные термины родства являются заимствованными. И если на негидальский в данном случае повлиял ороцкий, то на хамниганский (на один из его территориальных вариантов) — несомненно солонский, в котором слово *sadde*, как и в ороцком, имеет два значения: 'старый (о возрасте); огромный'.

Ороцкая раритетная дисемия (*sāgdi* '1) старый; 2) большой') позволяет говорить о том, что предки орочей и негидальцев контактировали друг с другом, причем контакты эти были на уровне брачных связей, иначе трудно объяснить заимствование родственной терминологии.

Вот что писал о былом соседстве негидальцев и орочей П. Шмидт: «Ульчи <...> несомненно мигрировали вниз по течению (Амура. — А. П.) и отделили негидальцев от орочей (орочами П. Шмидт называл не только орочей, но и удэгейцев. — А. П.) — и те, и другие когда-то были соседними народами» (Schmidt 1923: 230).

В первой половине XX века по-негидальски говорили в бассейне среднего и нижнего течения реки Амгунь; примерно с середины прошлого столетия негидальцы живут также в нескольких селах на нижнем Амуре. Есть основания полагать, что в прошлом негидальцы жили как севернее (в районе озер Орель и Чля), так и южнее (на реке Горин).

Что касается орочей, то «к концу прошлого века (XIX. — А. П.) территория их расселения имела следующие границы: на востоке — берег Татарского пролива, на юге — бассейн р. Ботчи /бэчи/, на севере — залив Де-Кастри, на западе — истоки рек, впадающих в Татарский пролив. На северо-западе граница пересекала Сихотэ-Алинь и захватывала долину впадающей в Амур р. Хунгари до пункта, отстоящего километров на шестьдесят от ее устья» (Аврорин, Лебедева 1966: 6).

Таким образом, в конце XIX века орочи и негидальцы вряд ли непосредственно контактировали друг с другом, однако в более раннее время ситуация могла быть иной. Негидальская лексика и морфология, а также некоторые особенности исторической фонетики (например, устранение звука «р» во всех позициях в слове) указывают на то, что именно ороцкий язык мог быть субстратом негидальского. Рассмотренный в данной статье пример влияния ороцкого языка на негидальский, причем не в периферийной лексической группе, а в весьма устойчивой к изменениям терминологии родства, служит еще одним подтверждением такого предположения.

Сокращения

монг.-письм. — монгольский письменный язык, нан. — нанайский язык, нег. — негидальский язык, ороц. — ороцкий язык, уд. — удэгейский язык, уил. — уильтинский (ороцкий) язык, ульч. — ульчский язык, хамн. — хамниганский язык (хамниганский идиом), эвен. — эвенский язык, эвенк. — эвенкийский язык

Литература

- Аврорин В. А., Е. П. Лебедева (сост.) 1966. *Орочские сказки и мифы*. Новосибирск: Наука.
- Аврорин В. А., Е. П. Лебедева 1978. *Орочские тексты и словарь*. Л.: Наука.
- БКРС 1984 (3) = *Большой китайско-русский словарь*. Т. 3. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1984.
- Кормушин И. В. 1998. *Удыхейский (удэгейский) язык*. М.: Наука.
- Крейнович Е. А. 1973. *Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура*. М.: Наука.
- Оненко С. Н. 1980. *Нанайско-русский словарь*. М.: Русский язык.
- Певнов, А. М. 2018. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине. В: *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. XIV(1): 441–464.
- Савельева В. Н., Ч. М. Таксами (сост.) 1970. *Нивхско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
- ССТМЯ 1975 = *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. I. Л.: Наука.
- ССТМЯ 1977 = *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. II. Л.: Наука.
- Фасмер М. 1971. *Этимологический словарь русского языка*. Т. III. М.: Прогресс.
- Цинциус В. И. 1982. *Негидальский язык. Исследования и материалы*. Л.: Наука.
- Do Dørji 1998. 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Naila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe. До Дорджи (сост.). Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии].
- Ikegami, Jirō 1997. *A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin*. Sapporo: Hokkaido University Press.
- Schmidt, P. 1923. *The Language of the Olchas*. (Acta Universitatis Latviensis VIII.) Rīgā.
- Schmidt, P. 1928. *The Language of the Oroches*. (Acta Universitatis Latviensis XVII.) Rīgā.
- Tamura, Suzuko 1996. *The Ainu-Japanese Dictionary. Saru Dialect*. Tōkyō: Sōfūkan (reprinted 1998).
- Tsumagari, Toshiro 1992. A Basic Vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in Northern Inner Mongolia. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. Hokkaido University*. 21: 83–103.

